А. Г. Ганжа, М. Д. Жиганов

Университетский глоссарий локальной универсальности: сталактиты, сталагмиты, сталагнаты производства социального знания

Анна Геннадиевна Ганжа — кандидат философских наук, доцент. Школа философии и культурологии, факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Электронная почта:** ann.ganzha@gmail.com.

Максим Дмитриевич Жиганов — аспирант. Аспирантская школа по культурологии, Школа философии и культурологии, факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Электронная почта:** zhiganov.maksim.977@gmail.com.

Аннотация: Статья построена в виде небольшого глоссария из очерков-наблюдений за российской университетско-академической жизнью, обобщающего опыт нескольких последних лет её участников, рассматривающего эту жизнь со стороны динамики социального знания, его содержания, формы, организации, устройства, а также поддержания его стабильности и преемственности. Акцент делается на двойных режимах производства социального знания в условиях эпистемического неравенства и недекларируемого снижения уровня прозрачности в управлении наукой и образованием. Удвоение режимов производства социального знания имеет свою предысторию, важным этапом которой стали революции чатов, пространств и платформ, и свои последствия. В режиме феноменолого-социологического описания в статье эти следствия-следы последовательно перебираются, и в фокусе оказываются такие констелляции, как «выкликание воображаемого», «экспертность без запроса», афазия, ставка на штудии, «трофейное пиратство» и фетишизм исследовательской установки.

Ключевые слова: социальное знание, университет, штудия, афазия, идеологии, инфраструктуры, подозрение, публичность, фетишизм, туземная наука, исследовательский энтузиазм

Для цитирования: *Ганжа, А. Г., Жиганов, М. Д.* Университетский глоссарий локальной универсальности: сталактиты, сталагмиты, сталагнаты производства социального знания // Пути России. 2026. Т. 4. № 2. С. 141–166.

Двойные режимы движения к академическому знанию в условиях эпистемического неравенства и его технократической воспроизводимости

В своём эссе мы хотели бы указать на разные стороны проявляющих себя в последние годы процессов ощущаемого, но не декларируемого уменьшения прозрачности в академии — в кадровых назначениях, принятии решений, распределении средств и финансировании, формировании программ и выстраивании коммуникации. Мы не даём оценку этим процессам и не углубляемся в политические и прагматические основания подобных решений. Являются ли они ценой или мерой, причиной или следствием, спланированной стратегией или незапланированным эффектом, нас, в данном случае, не интересует[1]. Мы не будем исходить из всей картины целиком и заявлять панорамно-аналитическую рамку свидетельствующим о себе переменам или их отсутствию. Под «прозрачностью» мы подразумеваем не абстрактную доступность всем участникам образовательного процесса мотивов, критериев и соображений относительно стратегических планов и тактических решений, а возможность апелляции к рациональным объяснениям, включающим их свободную артикуляцию, — независимо от способа участия и степени вклада в общее дело. Разумеется, в сфере социально-гуманитарного образования с самого начала действовала единая для науки гибридная система, сочетавшая коллегиальную закрытость и эпистемическую открытость, позволяющая одновременно и отсекать агентов, не понимающих всей тонкости производства знания, и удерживать разнообразные формы исследования открытыми каждому участнику производства научного знания. Снижение прозрачности являет себя в трех переключениях: необходимая конфиденциальность прирастает ещё и тайной, «слепые» и объективистские подходы получают нагрузку в виде учёта неразглашаемых нюансов, а частичное делегирование ответственности или отсутствие передачи полномочий на такое делегирование ведёт к опустошению места, из которого может вестись формирование цепочек фактов и решений. Провалы понимания чаще всего оцениваются

[1] Здесь можно было бы подумать, что в подобном заявлении содержится перформативный элемент: заявляя, что мы не интересуемся причинами возросшей секретности и снизившейся прозрачности, мы как будто декларируем, что не будем углубляться в основания подобного рода динамики публично-информационного режима. Спешим заверить, что так и есть: нас *не интересуют* причины увеличения непрозрачности и секретности, но поскольку у этой незаинтересованности есть конкретные причины, мы также подчеркиваем и декларируем сознательное отступление от установки на любое — главным образом эксплицитно проговариваемое — их обозначение.

как бюрократическое коллапсирование, и отчасти им являются: из управляемых процессов исчезает субъект, который теперь выныривает только в нужный для формирования внешней картины момент. На наш взгляд, кризисность такой ситуации имеет универсальный, а не только внутрироссийский характер, и вписывается в систему противоречий неолиберальных установок с универсальными ценностями свободы и публичности[2]. Тем не менее, форсированные события последних лет в своего рода естественно-экспериментальной форме демонстрируют нам, как устроен гетерогенный конструктор социального знания, сочетающего патернализм и конкуренцию, крены влево и вправо, кадровые меритократизм и инклюзивность, ставку на традицию и курс на обновление.

Для компактности и ясности мы пойдем по пути создания небольшого глоссария поверхностных наблюдений за плохо стыкующимися между собой фактами, требованиями и остаточностью работы прежних механизмов на фоне внедрения новых. За последовательностью стихийно сложившихся, но установленных в качестве базовых понятий этого словаря антиномий просматривается логика — это логика нарастающих слоев. Вдохновляясь старой антрополого-социологической дискуссией о провинциальной и туземной науке [Соколов, Титаев, с. 239–275], мы поупражняемся в собственных квалификациях эффектов локальности и глокальности в современных образовательных институциях. Наш собственный опыт не слишком обширен: будучи наблюдателями и апроприаторами чужого опыта, мы также внутри своих научных областей несём следы и травмы и провинциальной, и туземной науки. Мы отталкивается от первого, по-картезиански очевидного для нас наблюдения, суммирующегося в тезисе о том, что в процессе «сталактизации» и «сталагмизации» спускаемое сверху в виде стандартов, отчётов, требований, запросов кристаллизуется точно таким же образом, как прорастает наверх в виде инициатив, сообществ, клубов, интересных решений и образовательных дизайнов.

С риском некоторого преувеличения можно сказать, что происходит непрерывное наслаивание несовместимых инфраструктур и гетерогенных идеологий. Решимость тихого отказа наталкивается на молчаливую твёрдость сопротивления теперь уже не снизу, а сверху, а невозможность совместить его тактическую реализацию с текущими и прежними планами и задачами просто прибавляется к сложившемуся. Было бы беспочвенным считать это сопротивление чем-то большим, чем процессом инерционного удержания своего места в поле, но не менее опрометчивым было бы говорить об этом сопротивлении как индуцированном одной лишь негибкостью, страхом, непризнанием легитимности вышестоящих структур, уполномоченных лиц

[2] См., например, [Gataulina, 2025].

или теоретико-методологической фрондой. Мы позволим себе метафорически именовать эти слипания сталагнатами, а сам процесс уплотнения агентами разной направленности поля — сталагнатизацией[3]. Используя минералогическую, а не этнографическую, терминологию, мы сделаем акцент не на циркуляции производящегося и эксплуатируемого знания, а на аспектах, связанных с его упаковкой/распаковкой, пытаясь ответить на единственный вопрос: а являлась ли на самом деле публичность/открытость/прозрачность важным элементом научной жизни академии или была лишь полезным украшением и довеском, который при исчерпании своих возможностей легко и безболезненно устраняется?

Не будет лишним подчеркнуть, что мы не считаем открытость и прозрачность академии абсолютной ценностью, и не держимся того наивного взгляда, что возможно безусловное и не чреватое никакими издержками поддержание открытых режимов информирования, конкуренции и командной организации исследований. Для нас важно, что те структуры и режимы, в рамках которых формировались гласные и негласные правила внутри академии, так или иначе делали установки на рациональность, понятность и честную коммуникацию горизонтального и вертикального типа. Незаметное и несогласованное устранение противоядий — от различных форм секьюритизации до вторжения антидемократических процедур — меняет ландшафт производства и получения знания, и у этих процессов есть не только экзистенциально-этическая сторона[4].

Наш метод

В процессе сбора неструктурируемых индивидуальных интервью мы задавали своим академическим респондентам в течении пяти лет одну и ту же серию вопросов: мы просили их кратко сформулировать собственную версию доступных их жизненному миру событий, решений и деклараций. Все события, решения и декларации должны

[3] Мы сознательно заимствуем минералогический термин, осознавая тривиальность и вторичность этого хода, уже опробованного внутри бергсонистской и постструктуралистской философии. В своё оправдание мы можем сказать, что специфики образовательных политик в России подталкивают к поиску особого языка, который бы мог описывать происходящие процессы в вещественно-темпоральных терминах.

[4] В статье Алексея Бойко [2019] акцентируется различение дюркгеймианской установки на тайну как молчаливую презумпцию любой коммуникации, т. е. попросту на конфиденциальность, и зиммелевской, усматривающей двойной характер любой социальной тайны, коренящийся в самой социальной структуре.

были иметь эпистемические последствия, т. е. приводить к необходимости указания простых и сложных каузальных связей, и давать возможность согласовывать эти версии с известными респондентам кодексами и сводами правил и идеологических задач. Все интервью были анонимизированы во избежание неприятных последствий для респондентов. Вот примерный список вопросов, которые задавались непрямо в процессе постепенного перевода из регистра обмена впечатлениями в регистр ответственного суждения:

Как Вы очерчиваете рамку событийности и ситуативности в вашей академической и образовательной жизни?[5] К чему отсылают эти события и ситуации? Просматривается ли с Вашей стороны за этими событиями и ситуациями какая-то системность? Как Вы объясняете противоречия доходящих до Вас решений? На что Вы могли бы повлиять, а на что — нет?[6]

Сталагнаты исследовательских канонов и фильтров. Очистка канона/Множащаяся доступность

Последние несколько лет в отечественном социально-гуманитарном образовательном поле одновременно и почти синхронно происходили две революции. Одна из них требовала редукции и серьёзной ревизии целых учебных программ социологической, культурсоциологической и социально-антропологической направленности и была «революцией сверху» или, по меньшей мере, попыткой такой революции[7]. Другая, будучи, скорее, «революцией платформ», позволяла

[5] В зависимости от фрейма вопрошания вопрос конкретизировался примерно следующим образом: в случае аффективной насыщенности — «А что происходит?», в случае встроенности вопроса в готовое повествование — «Что же в таком случае происходит?», в случае фиксации на частном характере академического опыта — «Что-то происходит?»

[6] Структура наших вопросов предполагала реализацию зиммелевской установки на двойной характер режимов «секретности» — условно формальный и содержательный. Такое разделение позволяло нам говорить не о секретах (мы исходим из того, что никаких секретов не существует, а если они и есть, они не являются фреймируемыми и опознаваемыми, поэтому в своём роде лишены собственной секретности), а о понятности и непонятности, но не в качестве когнитивистских концептов, а в качестве пары реализующих начал скрепляющей всех ауры [Simmel, 1906].

[7] Президентская академия разрабатывает новую модель преподавания философии [Online] <https://www.ranepa.ru/news/prezidentskaya-akademiya-razrabatyvaet-novuyu-model-prepodavaniya-filosofii/> [Дата обращения] 07.12.2025; «Формируем

культивировать облегчённые практики знакомства с новой актуальной исследовательской литературой, включающие в себя в том числе и форсированную трансферизацию книг на иностранных языках через системы автопереводов. «Революция сверху» качнувшегося маятника вечных реформ образования, исходящая из импульса исправления ошибок «избыточной либерализации» и подстёгиваемая политическими мотивами, поставила под подозрение программные начинания, связанные с интеграцией в европейскую образовательную систему. «Революция снизу» не обращала никакого внимания на политическое, но её проводниками были уже хорошо подготовленные — зрелые и начинающие — исследователи, знающие цену устойчивым интеллектуальным традициям.

Литература, публикацию которой можно своевременно отслеживать через сайты крупных издательств разных стран и разнообразных зарубежных журналов, а также обнаруживаемые «сами собой» в процессе интенсивного сбора сведений по интересующей теме её эвристически прогрессивные и не имевшие шансов быстро оказаться перед глазами своих русскоязычных читателей наименования, вылавливаются из устоявшегося перечня «теневых» онлайн-хранилищ. Доступ к ним не гарантирует и иногда снижает шансы закрепления прочных систематических знаний, но обеспечивает преимущество в понимании состояния актуальных дискуссий и сохранении иллюзии научного диалога. Такие ресурсы, как LibGen, Anna's Archive, Sci-Hub и Z-Library (список может быть продолжен в зависимости от степени цифровой осведомленности и любопытства пользователя) после прекращения сотрудничества университетов со многими иностранными электронными библиотечными ресурсами стали одними из главных поставщиков свежих книг и статей, обращение к которым, впрочем, дополнительно осложняется их недоступностью без специальных приложений — все они были заблокированы в течение пяти последних лет.

Незнание языка и заложенных внутри национальных традиций понятийных лабиринтов и едва уловимых различий компенсируется расширением сети теоретических взаимосвязей, открытием собственных генеалогий и большим охватом тематического спектра — тех частей корпуса знания, некоторые из которых проделали стремительный путь от вытеснения через умолчание к запрету.

единое гуманитарное ядро»: в БФУ им. И. Канта обсудили курсы по российской государственности и философии [Online] <https://kantiana.ru/news/formiruem-edinoe-gumanitarnoe-yadro-v-bfu-im-i-kanta-obsudili-kursy-po-rossiyskoy-gosudarstvennosti-/> [Дата обращения] 07.12.2025; Зачем власти и учёные готовят курс «национальноцентричной» философии. Кто разработает единую концепцию и как она должна не стать «сателлитом» западной мысли [Online] https://www.rbc.ru/politics/29/11/2025/6927ba7b9a79475963bbd7d4 [Дата обращения] 07.12.2025.

Вторую революцию можно обозначить и как «революцию штудий»[8]. Хотя такое форсированное и поверхностное ознакомление с небрежно переведенными книгами и отрывками таит в себе одни подводные камни и опасности, на уровне циркуляции ключевых фигур и центров локального знания она даёт немало пищи для формирования довольно объективной, пусть в некоторых случаях и не отличающейся глубиной проработки эпистемологической панорамы.

Видимая невооруженным глазом несовместимость этих двух по-своему последовательных стратегий вызывает к жизни очаги поляризации, когда «на правах остаточности» или «нового подхода» академические агенты культивируют свою стратегию, оставляя место и для второй, но только в качестве внешнего или стихийного требования. Проще говоря, «на правах остаточности» хранители европейских традиций образования ещё больше расширяют круг привлекаемых текстов, придумывают ещё более изощрённые формулировки для студенческих и кандидатских работ, в то время как «новенькие» или очнувшиеся — назначенцы или капитаны образовательных политик — проводят свою редуцирующую селекцию учебного или исследовательского материала на собственных основаниях. Этими основаниями могут становиться, к примеру, ностальгические, децизионистские или миссионерские представления, определяющие историю и культуру не в качестве хранилищ, из которых можно по необходимости извлекать примеры социальных симптомов (какие могут быть симптомы и симптоматика, если культура понимается как резервуар Exempla, назидающего и доказывающего?), но и не в качестве институтов. Это не препятствует, тем не менее, позиции подозрения, особенность которой в данном случае заключается в том, что под предлогом установления каузальностей происходит поиск виновных в попустительстве и «*краже*» достоинства или автономии [Эгнер, Уленвикель, 2024][9].

[8] Под штудиями мы имеем здесь в виду и сам формат studies, и штудию как упражнение, требующее тренировки, регулярности и самолегитимации в форме циклического обращения к одному и тому же. Studies прилагаются к слабо кодифицированным регионам знания, они имеют преимущество открытости и быстрого освоения своих инструментов и языка, но чреваты самоповторами, тавтологиями и пробуксовками, что также приводит к ослаблению резистентности перед эпистемическими и политическими интервенциями. Кирилл Титаев [2013] указывает на промежуточное положение studies между «высокой теорией» наук, из которых те черпают теоретические ресурсы и к которым в конечном счёте обращены результаты их работы и дискуссии, и «низкой практикой», которая отвергается на основании их ориентации на прикладной аспект и желания быстрых решений. Фактически каждый более высокий уровень в рамках этой схемы не слышит нижестоящий, что ставит studies во вдвойне невыгодное положение.

[9] Дмитрий Кралечкин описывает подобные процессы как встроенные в логику самого модерна: «„Переполнение“ стека модерна задаёт предел, выход за который остаётся спеку-

Культура подозрения мотивов является родовой чертой или, как номинирует её всем известный, но в некоторых регионах игнорируемый теоретик, одним из элементов когнитивного стиля социологии (и современных исследований культуры): регион социального в неравных пропорциях делится здесь на действительное и сокрытое. Вопрос «что за этим кроется?», за одной формулировкой которого не может не обнаруживаться наличие двойного дна, подразумевает недоверие к словам социальных агентов, хотя и может, как полагает Никлас Луман [2007], потерять свою критическую направленность при универсализации, всё же делает более видимой этическую позицию исследователя, который этим разоблачающим жестом под тем или иным предлогом говорит о несовершенствах общества. Операция поиска — или, вернее сказать, розыска — подлинных причин происходящего вводит презумпцию нахождения исследователя по ту сторону общества, его необходимого «социального трансцендирования». Оно вступает в противоречие с самоподдерживающейся уверенностью в разумной упорядоченности и системности социальной действительности и позитивный характер совершаемых внутри неё действий: тот, кто намерен занять некоторую дистанцию, позволяющую преодолеть повседневную близорукость, причисляется к ряду ангажированных и повторно, но уже в качестве объекта, помещается за пределы академических или исполняющих их функцию сообществ.

Под подозрением оказывается фигура исследователя социального. Особая рекурсивная позиция подозревающего самих подозревающих, отказывающая в легитимности критическим подходам, заставляет утверждаться в представлении о нецелесообразности и ненормальности самой критики.

лятивной проблемой — в частности, проблемой гипотетического следующего уровня стека. Различные варианты радикальной критики, пытающиеся, в частности, оспорить логику корреляции или модернистского распределения знания, в действительности либо сталкивают одну логику доступа с другой, либо стремятся представить одну из них в качестве гарантированной. Так, попытки отказаться от человеко-агентных способов доступа представляются в этом смысле запоздалым шагом, выявляющим проблему там, где её нет, но где её удобно решать, поиском под фонарем за счёт волюнтаристских средств денегации и самоотречения, словно бы доступ — и конечность — не определялись с самого начала независимо от антропологических фигур. Если абсолютом может быть только то, что отказывает в доступе, остановить переполнение стека невозможно» [Кралечкин, 2021, с. 98]

Выкликание невидимых оппонентов и этическое воображаемое[10]

Вообразив своих оппонентов и нащупав их цифровым путём в публичном поле, выкликающий носитель здравого смысла начинает производить публичные высказывания, адресованные и выкликаемым, и неопределённому кругу[11] публики. У этой выкликающей формы есть свои основания: исследуя фигуры прошлого, академический или образовательный деятель ведёт невидимый диалог с этими фигурами. В условиях, когда становится непонятным, как, на каких основаниях и кем именно принимаются решения, выкликание маскирует себя под форму публичного высказывания, однако по последствиям, расстановке сил, слышимости голосов выкликающих, публичным высказыванием не является и представляет собой смесь доноса, жалобы, апелляции к здравому смыслу и утопической фантазии. Выкликание становится возможной и необходимой формой, когда образуются артикуляционные лакуны и контуры определённости теряются. Это не «недостаток идеологии» и не «секретность» в прямом смысле слова, — скорее, речь идёт о том, как новые запросы должны располагать себя по отношению к старым. Имеет значение и политический и административный вес выкликающей фигуры. Скажем, ректор знает больше, чем проректор, руководитель факультета больше, чем завкафедрой, а рядовой доцент меньше, чем заместитель директора. При этом общественный контракт ректора предполагает очень высокую и рискованную модель ответственности за высказываемое, тем не менее, заставляя его в отдельных случаях действовать «ва-банк», а доцента — невысокую, позволяя ему быть невидимым и неслышимым, но сохраняя возможность для общественного эпатажа, площадками для которого становятся в том числе круглые столы, конференции и другие формы мест по производству безответственных, в силу затемнённости и непрозрачности поля, суждений.

Конференции и форумы в этих случаях становятся местами по расшатыванию этического воображаемого. Лицом к лицу встречаются те, кто никогда не должен был встретиться и чьё существование не было определено в качестве необходимого. Неожиданность встреч и взаимопересечений на инициируемых от лица централизованного управления образования конференциях рождает особый род меланхолической

[10] Этот раздел, в свою очередь, также написан в форме «выкликания». Этой рекурсивностью мы производим оправдание двойного позицинирования «сталактита» и «сталагмита».

[11] Выражение «информация, адресованная неопределённому кругу лиц», фиксирующая нарушение, косвенно связана с моделями публичности выкликающего.

опасливости, когда не прочитываются ни социальные, ни мировоззренческие, ни карьерные контуры «коллег». В позитивном варианте это приводит к поиску тематического консенсуса: не в силах понять, чем же занимаются на самом деле собравшиеся вместе, выступающие нащупывают «темы-тосты»: глобальные угрозы, образы будущего, скрытые вызовы и насущные задачи. Заклинание будущим, глобальным, угрожающим, переломным и заботящем формирует контур «встревоженного ученого» с актуальной повесткой во взволнованных руках. Встревоженный ученый прекрасно понимает, что его озабоченность выполняет функцию синхронизации с властной мобилизующей тревожностью, но видит в этом свою «востребованность» и «умение мыслить в перспективе». Это наивная идентификация чаще всего не приносит ни бонусов, ни карьерного роста, ни славы, выполняя, скорее, функцию нащупывания определённости в условиях тишины и молчания. Исторический приговор публичной сфере, вынесенный когда-то Ричардом Сеннетом и Юргеном Хабермасом, здесь реализуется только опосредованным образом: это не падение, не распад и не имитация публичности, а скорее не-политическая или вне-политическая пародия на неё. Остаются объявления, имена, фотографии, отчёты, но право на высказывание реализуется вовсе не из универсалистского места.

Непрошеные советчики и эксперты без поля

Литания необходимости воспитания личности[12] самозарождается каждый раз из ниоткуда, не имеет под собой никакой почвы и в широком смысле слова является формой «доноса» на «действительность» социальных агентов с неопределёнными полномочиями. Поскольку такое институциональное закрепление вертикальных отношений ставит под угрозу анонимность и натуральность критериев удерживаемого авторитета, фантомно-экспертная тональность высказывания позволяет укреплять свою фигуру как «фигуру в процессе» размышления, удержания, рефлексии. Заявки докладов, выступлений, речей бессознательно поворачивают себя к советским практикам и обозначаются таким образом, будто их инициаторов отвлекли от важного дела, поэтому экспертно-фундаментальный тон гибридизируется с мимолетностью и незавершённостью плодов учёного сосредоточения. Неожиданно возвращаются дисциплинарные формулировки с указанием на «проблемно-методологическое поле», «проблемы познания», «принципы», «явления», «постановки

[12] Пайдейя XXI века [Online] <https://www.kommersant.ru/doc/8006089> [Дата обращения] 07.12.2025.

проблемы», «аспекты», «переосмысления», «актуальные вопросы», «функции», «основания», «к вопросу о...», «проблематичности», «роли и факторы», «категории метамодерна и симулякра».

Вернее было бы даже сказать, что наплыв такого рода рубрикаций, скрывающих за своим фасадом предметную бессодержательность и зацикленность на масштабе, происходит не повторным образом. Всё это время они периодически всплывали в рассылках, анонсах, чатах и группах в качестве голосов за пределами крупных городов, но служили в основном хранилищем антипримеров, обращение к которым протекало на негативных основаниях в целях языкового и идеологического отмежевания. Скорее имеет место резкое изменение доли приведенных формулировок в общем дискурсивном пространстве, ускоряемое и подогреваемое внешним управлением. Фильтр, старательно выработанный изнутри части академического мира, препятствовавший застою и защищавший от инвазий чуждых агентов, инвертирует направление своего действия и заставляет представителей этой части мира пересматривать собственный язык в пользу тщательно забытых и морализаторских тем, терминов и конструкций, что не может не восприниматься как ретроградный шаг, причём в конечном счёте для обеих сторон. В насилии над языковыми формами не стоит видеть один только внешний, «наносной» эффект, никак не затрагивающий содержание мысли, поскольку такое приспосабливание на достаточно длинной дистанции неизбежно сказывается и на самом слове как главном инструменте социально-гуманитарного исследователя.

У этих процессов есть и обратная сторона — а именно, «снижение» до административного вопрошания:

> *«Знаете, я как-то побывал в Белгородском университете — это храм по сравнению с некоторыми аудиториями в МГУ, где стоят парты из лиственницы, которые ещё Берия поставил. Я там побывал как-то. И в одной огромной аудитории на несколько групп всего 12 человек сидит. Я спрашиваю преподавателя: “Сколько у вас студентов должно находиться в аудитории?”. Она отвечает, что четыре группы — “шалопаи, не приходят”. В общем, это комплексная проблема и вообще отдельная тема»*[13]

[13] Владимир Литвиненко: «Без сильного образования страна будет колониальной» [Online] <https://www.vedomosti.ru/society/characters/2025/11/25/1157733-bez-silnogo-obrazovaniya-strana-budet-kolonialnoi?from=copy_text>[Дата обращения] 07.12.2025.

Цитата из откровенного интервью ректора Горного университета Владимира Литвиненко относится к другому роду жалоб, но кажется нам показательной: воспитывая будущих инженеров, ректор пытается найти причины падения человеческого достоинства и обращает внимание то на низкую посещаемость занятий, то на межпо-

Тема «мировоззрения», «личности», «воспитания» появляется там, где блокируется — на основаниях опасений обвинений в неблагонадежности или нежелания раздражать невидимых наблюдателей — социальный язык. Мировоззренчески-возвышенная сфера становится источником эвфемизмов идейных технократов и университетских проповедников, привыкших хранить тайны и секреты, в какой-то момент меняющих юридически-бюрократические формулировки на позаимствованные из сотериологического лексикона[14].

Не оспаривая традиционное право авторитетного представителя академии говорить о *своём* и на *собственных основаниях*, этим только подчеркивая сохраняющуюся возможность реализации собственной автономии, сингулярности и своего рода парессии, невольно возникает вопрос: почему спасатели нравственности молодых людей

коленческую отстраненность, то на отсутствие авторитета преподавателя, то на отсутствие формы и прекращения бумажной циркуляции в документообороте. Закономерным образом он приходит к выводу о необходимости мировоззренческого и воспитательного принуждения и «роли личности» наставника, отстраняясь от подробностей, которые могли бы быть разъясненными средствами современной социальной теории, и изобретая эти подробности самостоятельно и «с нуля»:

«Теперь о цели высшего образования: это получение цельного мировоззрения в области специальности, закрепленное достаточным объёмом практических опытов и навыков с целью самореализации.

— Вы сами следуете этому целеполаганию?

— Индикатором нашей преподавательской деятельности является как раз это целеполагание. Ведь когда есть цель, тогда есть и субъектность. Преподаватель — это ответственный субъект. А студент у нас становится не великим и знающим, иногда поправляющим, а воспитуемым — как и в школе. И всё становится на свои места»

[14] Типичная форма озабоченности выглядит таким образом: «заведующий кафедрой <...> принял участие в панельной дискуссии “Культурный диалог: человек в поисках смысла; моральные ориентиры поколения молодых”, которая состоялась в рамках VIII Молодежного международного форума-конгресса “Будущее”. Дискуссия прошла на площадке информационного агентства “Россия сегодня” в Москве. <...> Участники обсудили вызовы, с которыми сталкивается современная молодежь в условиях размывания традиционных ценностей и изменения отношения к семье, браку и воспитанию детей. Особое внимание было уделено анализу негативного влияния западной культуры и навязываемых моделей поведения, а также отсутствию критического мышления у молодого поколения. Эксперты подчеркнули необходимость консолидации усилий педагогов и общественных деятелей для выработки ценностных ориентиров, способных противостоять деструктивным тенденциям и помочь молодежи в формировании нравственного мировоззрения». В. Р. Легойда принял участие в VIII Молодежном международном форуме-конгрессе «Будущее» [Online] <https://www.patriarchia.ru/article/118464> [Дата обращения] 07.12.2025.

говорят на руссоистском языке с примесью Zeitdiagnose? Если общество движется в сторону сохранения и поддержания традиций, то не стоило ли бы представителям социальных наук указать на рамку, внутри которой озвучиваются прописные истины? Что, кроме шуток и нравоучений, можно всерьёз предлагать воображаемой молодёжи даже при её помощи, если бы такая рамка была бы предложена? Каким образом и по каким каналам будет производиться мировоззренческая инвазия? Как это согласуется с механизмами функционирования современных медиа? Отсутствие постановки вопросов на этом уровне подталкивает к заключению, что реализация таких деклараций осуществляется с помощью конкретных политических, административных, а вовсе не идейных решений. Таким образом производится ещё один сталагнат — идейное будет мимикрирующей завесой для сталактитов запретов и ограничений, срастающихся со сталагмитами чужого своеволия.

Трофы и трофеи: паразиты, апроприаторы, пираты

Риторика суверенизации, рецепция и использование словаря которой может происходить на серьёзных или иронических основаниях, рождает, тем не менее, не решаемую форсированным путем проблему распоряжения интеллектуальным богатством, накопленным европейской культурой и функционирующим внутри институциональных форм интеллектуальной преемственности и индустрии знания. Прозрачность и доступность образовательных программ, результатов исследований и коллективных инсайтов, производимая высокоталантливыми, изобретательными и продуктивными авторами, становится добычей, трофеем или резервуаром для представителей провинциальной, туземной или суверенизировавшейся науки. Эти процессы не связаны напрямую с лежащими на поверхности кризисами, переустройствами, переформатированиями и переорганизациями. Трофика первичного и вторичного знания, «подъедание» за лидерами и пионерами производства социального знания их идей, формулировок и концептуализаций является довольно старой формой, корни которой, вероятно, можно было бы отыскать в появившемся в модерн делении на философов (писателей, композиторов, историков, социологов) «первого и второго ряда», иногда ветвящихся «третьим» и «четвёртым». Вторичность знания, производимого «трофами», имеет и свою радикальную форму в виде «пиратства»[15] и различных форм заимствования.

[15] Пиратство здесь понимается так, как это описывается в [Коллинз, Рестиво, 2002].

Слабые виды пиратства дают ещё одну форму — паразитирование, требующее поддержания двойной установки: и на старательную миметическую исполнительность в условиях безграничности тематического диапазона, и на свободный выбор того, чем можно очаровываться оказавшемуся в море появляющегося как бы ниоткуда исследовательского богатства[16]. За последние несколько лет выковала себя негласная этическая доктрина присвоения, или апроприации, сложившаяся в консенсусное утверждение, что нельзя отказываться от того, что хоть и находится по ту сторону политически актуального и приемлемого, но является важным, нужным, подходящим и пригодным. Надо развивать свою науку, а для этого все средства хороши — вот на чём базируются добродетели апроприатора.

Алхимия трофического насыщения

В системе академических трофических цепочек «голова» и «хвост», находящиеся в отдалении друг от друга, имеют опосредующие пищевые звенья, на разных основаниях рождающие собственные антиномии исследовательского разума:

— корпоративное / коллективное;
— индивидуальное / групповое;
— уникальное / массовое;
— пропагандируемое / ценностно-нейтральное;
— нацеленность на результат / нацеленность на место в институциях;
— публичность / закрытость;
— лабораторность / общезначимость;
— эффективность / отложенность результатов;
— «уединение и свобода» / коллективная ответственность
— самоуправление / централизованность;
— этические протоколы / тесный и сплоченный характер научного творчества;
— демократизм / неолиберальное рейтингование
— ЕГЭ / поиск истины;
— преемственность научных школ / короткие контракты;
— чаты и группы / собрания и объединения;
— подушевое финансирование / литании скудости;
— «без человека не будет ничего» / «человек ничтожен»;
— бесконечные мероприятия и инициативы / коллективистский атомизм;

[16] Об этом см. дискуссию в журнале «Versus» [Данилов и др., 2022].

— плотно упакованные образовательные продукты для интенсивного освоения / поиск информации;
— академия как пространство заботы о комфорте и атмосфере / аскетичный социальный дизайн рабочих зон;
— требование разрешений и регистраций / открытость (система пропусков);
— открытость / секьюритизация;
— наемные работники / заслуженный статус, стаж, юбилеи, награждения;
— автономия / управление неизвестными агентами.

Не так уж и сложно показать, как взаимоисключающие требования и идеологии в каждом конкретном случае пользуются исполнительской презумпцией и прорастают друг в друга: корпорация, состоящая из конкурентов, может превращаться в коллектив противящихся корпоративному духу коллег; ЕГЭ становится ключом доступа к антидогматическим тайнам университетского знания; коллективные мероприятия усиливают атомизацию; открытость и прозрачность заставляют хранить себя в абсолютной тайне от внешних вторжений; рейтинги становятся единственной демократической формой выражения хоть какой-то позиции; под нейтральностью скрывается идеологическая всеядность, а под бросающейся в глаза политической эклектичностью вдруг обнаруживается особая, стирающая собственные маршруты интеллектуальная навигация. Унифицирующие формы знания и самопознания, подозрение к разрушительному характеру западного философского мышления заставляют вводить философию в качестве обязательного курса. Требование возвращения к иерархическим порядкам и режимам вызывает к жизни инициативы по обязательному изучению курса логики и т. д. То, что можно было бы принять за диалектику полагания и его отрицания, на деле сосуществует вовсе не в формах единства противоположностей — наоборот, не опознаваемые и не обозначаемые как полярности и противоречия, положения и установления гетерогенной природы срастаются друг с другом раньше, чем получается отследить эту полярность[17].

Афазия и свободная речь

Блокировочные, приостановочные, порогообразующие и фильтрационные действия не просто сужают и расщепляют потоки коммуникации и информации, но и деформируют сам язык [Хабермас, 2001,

[17] См. о некоторых противоречиях университетских кодексов [Медушевский, в печати].

с. 173–287]. Афазия затрагивает не только вопрос перформативности, но и звучания самих голосов. Право на голос реализуется звуковым образом, — чтобы звучать, следует понимать своё и чужое место в качестве звучащего.

Логистика звучащего стала стремительно менять свой дизайн, начиная с эпохи коронавируса. Рост способов организации звуковой приватности и коллективно-звукового расщепления[18] приводит пространства знания в состояние окончательной тишины. Умолкают не только актовые залы, коридоры и аудитории. Слухи, сплетни, смол-токи, обмены любезностями перемещаются в мессенджеры, онлайн-платформы и приватные места. Всеобщий запрет на курение, оставляющий возможность курить у крыльца, за последние 10 лет с истощением численности коллектива курильщиков превратил эту форму коммуникации скорее в исключение, чем в правило. Афазия в бюрократической и управленческой речи, теперь ничем не ограничиваемая, не озвучивается, а предъявляется, пролистывается или игнорируется, формируя множественности, регулируемые миметическими способами и волей к вкусу. Афазия и языковая беспомощность обретают своё постоянное место в рассылках, докладах, статьях и интервью. Лишённая любой внешней регуляции и критики, она циркулирует наравне с лучшими академически-языковыми образцами, заполняя пространства академического знания прежним ползучим образом. Здесь сталагнатизация достигает окончательной точки своего закрепления, срастаясь с подминаемыми под себя языковыми конструкциями, — теоретическое, практическое, идеологическое и управленческое диктуют свои правила языку, который то послушно исполняет.

[18] Под коллективно-звуковым, социально-звуковым расщеплением мы имеем в виду окончательно сформировавшуюся этику производства музыкального шума и специфику пространственной организации публичной или приватной речи. Расщепление происходит по нескольким канализирующим блокам, номенклатура которых включает не только стриминги со своей потоковой логикой и индустрию приватизирующих слушание средств, но и голосовые приложения, голосовых помощников, экранных дикторов, транскрипторов и транскрибаторов, а также — что немаловажно — особые способы поддержания звуковых и шумовых конвенций, предписывающих соблюдать абсолютную или относительную тишину и режим молчания в условиях, когда речь, звуки или музыка могут становиться доступными для ушей других.

Исследовательские чаяния и теоретические утопии: гомогенные пространства гетерогенного научного опыта

Изменение характера и формы организации звучащего имеет и другие интересующие нас следствия. Совершенствование новых способов быстрой, малозатратной, набирающей участников по собственным критериям организации академических чтений, дискуссий и коллоквиумов привносят элемент горизонтальности, упраздняют отжившие себя иерархии и действуют не просто в обход официальных программных документов, кодексов и требований, но и становятся проводниками собственных интеллектуальных микрополитик.

Со стороны академии эти процессы и инициативы могут апроприиироваться или игнорироваться, со стороны инициаторов есть полный спектр способов участия — от «двойных агентов», присутствующих на внутренних заседаниях, а по вечерам — на самодеятельных международных ридингах, до эскапистов, которые на разных, хотя чаще всего вынужденных основаниях принуждают себя только к академической службе или исключительно к свободной деятельности. Постковидная картина форумов и исследовательских собраний за последние три года оформила себя ещё в более выразительные формы: на авторитетных конференциях вместе оказываются академики, студенты бакалавриата, свободные исследователи и звезды мировой науки, которые по разным причинам рассчитали или, наоборот, не рассчитали возможные будущие издержки своих складывающихся репутаций. В этой пёстрой картине интересно не само разнообразие агентностей, целей и результатов, а способы и критерии уживчивости по разным основаниям, а также того, что можно было бы артикулировать в качестве их итога. Гомогенизация гетерогенного исследовательского опыта в социальных науках, если говорить о специфике особого «пути России», оформляет первоначальную утопию науки как дела равных в бесконечную ридинг-конференцию. Уникальный пример конференции «Векторы»[19] ясно обозначает этот парагенезис «спелеологического» типа. Многоступенчатый анонимный соревновательный отбор делает возможным формирование места диалога предельной честности и ясности. Он не образует залежей отчётного знания, но каждый раз заново определяет место авторитетности и заслуг перед наукой. Рядом с уплот-

[19] Сборник статей XXI и XXII международных конференций молодых учёных «Векторы» [Онлайн] <https://msses.ru/%D0%92%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%202023-2024.pdf> [Дата обращения] 10.12.2025; Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных «Векторы» [Онлайн] <https://msses.ru/%D0%92%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%202025.pdf> [Дата обращения] 10.12.2025.

няющимся «сталагнатом» появляется разреженный параллельный результат «эпистемического спелеогенеза».

Штудирование реального и исследование воображаемого: исследовательская предметность в эпоху последних истин

Мы бы взяли на себя ответственность утверждать, что борьба за реальность и предметность и есть главный пункт или место, в котором разворачиваются процессы сращивания и слипания локального и универсального. «Человек», «смысл», «значение», «общество», «знание», «прогресс», «будущее» и т. д. в обстоятельствах, когда на языке социального нельзя ставить «вопросы ребром», становятся подобными песку, сыплющемуся сквозь пальцы. В таких обстоятельствах остаётся только два выхода: либо брать реальность штурмом, т. е. провозглашать новые истины относительно человека, смысла, значения, общества, знания, прогресса, будущего, либо исследовать их в качестве денотата воображаемого. В обоих случаях кажется интересным, как реализует себя направленность на предметность, если действительно мы живем в эпоху «последних истин», обойти которые никому не удастся. Здесь мы хотели бы сознательно обратиться к маломасштабному примеру, оставив «большие понятия» для другого рассмотрения в своих будущих возможных работах.

Предположительно или на самом деле в одном крупном российском городе собирается конференция по рецепции творчества Пушкина. Предположим, что она затрагивает круг самых широких сюжетов — от его глорификации и «образов» в литературе, кино, школьном каноне и дизайне до традиций празднования пушкинских юбилеев и дат его гибели в разные исторические периоды. Тема «рецепции» здесь обозначает место нейтральности: что может быть нейтральнее, чем «образ» или «рецепция»? Любой более-менее искушенный социальный исследователь понимает, что исследования образности и рецепции — вовсе не нейтральные темы. Он же владеет и полным набором инструментов, чтобы привлекать понятие рецепции, опустошив её критически-социологическую часть, связанную с исследованием аудиторий, идентичностью, конструктивистскими позициями и проблемой гегемонии, обеспечиваемой культуралистскими средствами. В результате организаторы мероприятия в условиях требований и к проявлению активности, и к научной коммуникации неявным способом доводят эту подоплёку любого социального до несуществующего и аномального. Участники такой гипотетической серии конференций, циклически и регулярно предъявляющие свои исторические изыскания и теоретические размышления, формируют бесшовный

нарратив множащейся образности и непрерывной рецептивной традиции, что отчасти позволяет увидеть объективную картину исследований рецептивности. Вопрос заключается только в том, какое место занимает сторонящееся истины знание, имеет ли к этому отношение Пушкин, и что именно происходит, когда предельные исследовательские установки становятся частью рыхлого знания со ставкой на слабые и отклоняющиеся от собственных программ интерпретации. На наш взгляд, такой штурм обширного культурного отрезка, блокирующий предметность заключений на фоне общей риторики «вызовов» и «масштабных процессов», формирует плотный эпистемический сталагнат.

Фетиш исследования и фетишизм исследователя

В условиях прерванной, ограниченной и приостановленной коммуникации, которая сопровождается атрофией всеобщего подозрения, когда-то подталкивающего к тому, чтобы делить агентов производства знания на «жертв», невидимых «спасателей» и видимых «душителей», не может не сформироваться поле конвенций, где все так или иначе успокаиваются и не предаются «мыслям о вечном». В России этой точкой конвенционального утешения становится «исследование» и «исследователь».

Отсечение некоторых чувствительных тем при посредничестве туманных нормативных документов и асинхронно-точечного их применения приводит к привычке оттачивания и без того филигранных формулировок, созданию механизма непрямого цитирования и выработке криптоязыка. В результате исследование в некотором смысле превосходит само себя и служит полем двойного высказывания-подмигивания, наталкивающегося на препоны во внеакадемической публичной сфере. Прагматический сценарий же состоит в «выходе на производственные мощности» в соответствии с курсом, который опознаётся по косвенным признакам, и превращает исследование в защищённый от внешних оценок и влияний анклав и самоцель. В обоих случаях исследование предстает убежищем, но если границы первого в идеале стремятся к расширению, но сужаются, то второе, напротив, — изоляционистски сужаясь, расширяется. Общим местом уже успело стать то, что представители обеих стратегий подозревают о существовании друг друга, но предпочитают сохранять относительно этого факта презумпцию неведения.

Для того чтобы такая точка утешения стала возможной, нужно на время или навсегда забыть о расследовательской направленности гуманитарных исследований, самодистиллировавшись и самонейтрали-

зовавшись[20]. Над исследованием висит дамоклов меч «расследования», который в истории социальной мысли можно отслеживать ещё на стадии до её перехода в «научную» фазу: описание и критика постреволюционного общественного порядка с собирательно-утопических позиций имели следствием возможность разработки разнообразных прототеорий, в которых выдвигались идеи о другом, более справедливом устройстве общества. Эти теории, однако, стали возможны вследствие лишения общества его самоочевидного статуса и обнаружения его прежде не опознаваемых внутренних конфликтов, инициатором которых назначались конкретные группы виновных и которые имели свои механизмы поддержания, подталкивающие к собственному преодолению. Представления о совершенном, но в телеологической перспективе недостижимом мире, в историческом горизонте позволили родиться тому социальному знанию, проводниками которого сами утописты уже не являлись [Шацкий, 2018, с. 204–226].

Тем не менее, утопический вектор «подозревающего» и «расследовательского» по характеру социального знания являлся одновременно и средством против его фетишизации. Проекты и программы популяризации знания, встроенные в системы привлечения качественной абитуриентской базы и общественного просвещения, говорят на языке «настоящей науки» и увлечённости исследовательским процессом, но превращаясь в рыночный, хоть и лишённый конкретной стоимости товар, вынуждены в части социальных наук производить заклинания неопределённого содержания. Сталактиты «мероприятий» и «важных дат» входят в сложное взаимодействие со сталагмитами одиночества исследователя и лабораторным характером производства социального знания. В результате формируется плотный слой, сталагмит из надежд, упований, громких заявлений, тихого осмысления, невысказанного, невыразимого, необъяснимого и невыговариваемого. Вопрос «Что мы исследуем?» в этом случае приобретает такое количество коннотаций, что само его озвучивание чревато избыточной перформативностью.

Теперь, вместе со снятием упований и ставкой на социальное знание, ставшее локальным, в качестве арбитра исторического и по-

[20] Об этой способности номинального участия пишут в своей статье про туземную науку Михаил Соколов и Кирилл Титаев: «Российский академический мир в целом беднее, чем те, по отношению к которым он воспринимает себя вторичным, но отдельные позиции в нём вознаграждаются достаточно щедро для того, чтобы не искать большего <...> Ключевая задача этой части туземной науки — доказать её равенство с происходящим во всём остальном мире, а чаще — превосходство» [Соколов, Титаев, 2013, с. 258–259]. В применении к настоящему это означает если превосходство не является ближайшей целью, то в силу вступает другая цель, которую мы бы обозначили как рационализация вознаграждения, которое, как известно, всегда слишко мало или слишком велико.

литического процесса реализуются несколько вполне определённых стратегий, каждая из которых полагает «исследование» в качестве фетиша, превращая самого исследователя в носителя фетишистского сознания. Проще говоря, сталактит подразумеваемой и инициируемой деятельности и сталагмит наследуемой с советских времен неясности срастаются в сталагнат — меланхолический продукт неистощимого энтузиазма. Соколов и Титаев, определяя функцию советского гуманитария, одну из целей определяют так: «это тексты, которые нужно производить, однако цель этого производства не ясна» [Соколов, Титаев, 2013, с. 261]. Меланхолия, повсюду сопровождающая места исследования и самих исследователей — плата за фантазии, в сопровождении которых только и могут появляться такие тексты[21].

Туземность провинциального

Таким образом, в условиях конкретно поставленных задач, большая часть которых не проговаривается конкретно — что же на самом деле требуется и требуется ли вообще — ни провинциальное, ни туземное не являются базовыми моделями социальных и гуманитарных наук в момент их неудобного положения. Ибо радость от остаточных связей с зарубежными коллегами окрашена скорее в мрачно-иронические тона, и борьба идёт здесь скорее за язык, чем за его содержание. Если оценивать провинциальную установку как погоню за «трофеями и знаменитостями» на фоне признания собственного бессилия в производстве социального знания, а туземную — как автономное переизобретение изобретённого, то даже обнаруживаемые следы этих установок не скажут нам ничего нового в деле минерализации эпистемических сталагнатов.

Мы бы рискнули предположить, что сталагнатом здесь становится сращивание провинциального и туземного, что, разумеется, противоречит первоначальной идее подобного разделения. Предположим, для примера, что в качестве базовой исследовательской единицы берётся «Русская Идея», и предположим, что Русская Идея выдвигается в качестве центральной в построении нового философского здания. Разумеется, такое метафизическое здание может быть построено с понятийной и фактической сторон, и ничто не препятствует тому, чтобы создавать собственные проекты языковой деконструкции или перестройки базового языка. Но такой язык — ровно настолько, насколько он является языком — требует минимальной

[21] В этом смысле нет другого выхода, кроме пути демистификации фетишисткого объекта знания [Шанин, 2024, с. 175–176].

верификации и включённости в циркуляцию, поэтому привлечение на любых основаниях таких «верификаторов» будет оцениваться как акт втягивания, т. е. «удачной охоты». В целом эта удача может артикулироваться как прогрессирующий рекрутинг «поверивших в нас», «нас не оттолкнувших». В отдельных случаях разговор переводится в регистр «нормальности» и «нормальных»: «нормальный исследователь» социального не будет цепляться за догмы проверенных теорий, и он способен на вспышку здравого смысла.

Циркуляция решений и идей: мессенджеры и группы

Научная и административная коммуникация в академии, если отсчитывать её актуальные формы с момента появления государственных политик в области науки в межвоенный период, представляла собой в том числе и сцену, в которой роли всех участников были прописаны в соответствии с текущими изменениями в понимании иерархии агентов. Коллегиальность в организации вносимых в долгосрочные планы содержательных дискуссий, формальных процедур и обсуждений и система принятия решений складывалась одновременно с управленческими представлениями о ролях и функциях управления. При этом место кулуарного, личного и публичного, начиная с эпохи университетских ситкомов, сериалов, образовательно-производственных эпопей и спора физиков и лириков, обозначалось и осмысливалось рефлексивным способом.

«Революция чатов», когда обмен опытом и информацией в группах, создаваемых с благой целью из нежелания обременять друг друга лишней информацией, выливается и в то, что часть агентов оказываются забыты, вытеснены и питаются сплетнями. Чаты и месенджеры проводят и де-редукционистскую работу: на правах закрытости и принадлежности к общему делу, они обрывают прежние практики, когда коммуникация в виде прочитанного на стене объявления принуждала организаторов укладываться в небольшой объём и ясные формулировки. Теперь формулировки можно до бесконечности уточнять, создавать системы гиперссылок, плодить невинные и сверхважные системы запросов и инициатив. Такие системы руководства и сотрудничества не просто повышают или понижают информационную осведомленность, они создают системы двойного закрытия: не включенные или исключенные из системы групповой коммуникации могут быть уверены, что внутри таких каналов общения содержатся все ответы на вопросы, между тем как внутри коммуникационных каналов их участники расспрашивают друг друга о том, почему ничего не известно. В целом это повышает атмосферу немого вопрошания, вырабатывая смесь терпения и апатии.

Заключение

Наш небольшой глоссарий локальной универсальности, фиксирующий срастания гетерогенных по природе и функционированию форм академического знания в условиях снижения артикулирующей его основания прозрачности, должен был показать, как «затемнения», нацеленность на стоическое молчание и виртуозная способность агентов социального знания внутри академии к ἐποχή создают не просто лакуны немоты, тайны и умолчания, а меняют характер аккумуляции, трансляции и селекции этого знания.

Если язык социальных наук с начала своего формирования вырабатывал свой собственный спектр возможностей уклонения двойного и тройного значения и использования заточенных под немоту перформативных форм, то режимы специальных образовательных политик не подготавливали социальные науки к особому будущему, давая в пользование им один-единственный механизм одномоментного вбирания решений, распоряжений и новых конвенций. Контракт академических агентов таких политик с сообществом коллег, с обществом и самими собой выстроен в качестве пролонгированного, нацеленного на отдаленный и откладываемый результат, вместе с тем как меняющаяся политическая повестка предполагает решительность и быстроту реакций. В этих условиях функцию стратегического поддержания режимов частичной или мнимой открытости берут на себя особые участники поля, превратившие языковые и управленческие способы реализации академических свобод в особый инструмент понимаемых, но не проговариваемых интеллектуальных и образовательных политик.

Если сделать шаг назад к нашей спелеологической метафоре, позволяющий указать на место, где происходят все описанные в перечисленных выше пунктах процессы, то мы опять оказываемся в вечной платоновской пещере, но на других, по сравнению с платоновскими героями, основаниях, — теперь мы не жители пещер, а их туристы и испытатели. Карстовая пещера — это кромешно-тёмное, постоянно холодное, привычно влажное место, моментально поглощающее всякие звуки (и следовательно, не позволяющее докричаться друг до друга на малейшем отдалении), и не пропускающее радиоволны. При долгом нахождении там собственная речь делается чужой и плавится ощущение времени. Чтобы не потерять равновесие, передвигаться по пещере рекомендуется, соблюдая правило «трёх точек»: твёрдой поверхности должны касаться, например, две ноги и одна рука. Навигация часто происходит по неформальным опознавательным знакам вроде миниатюрных глиняных божков или груды сложенных друг на друга камней и то тут, то там обрывающейся «нити Ариадны» — верёвки из поликарбоната яркого цвета, идя вдоль которой при благоприятном стечении обстоятельств есть возможность

выбраться. Иногда из-за угла вылетают летучие мыши, а некоторые пролазы настолько узки, что приходится ползти на животе, постепенно покрываясь слоем твердеющей на одежде глины. Выход из пещеры в ночное время суток предваряют сквозняки — теплые летом и морозные зимой.

Публичность, открытость и прозрачность обнаруживаются совсем не там, где они себя обозначают, — в свою очередь, эгалитарная горизонтальность, научный энтузиазм и исследовательская инициатива располагают себя в зазорах между официальным и самодеятельным. То, что со стороны может выглядеть как компромисс, в будущем будет оценено как своего рода подвиг, но об этом нельзя говорить, а следовательно нужно молчать.

Литература

1. *Бойко, А.К.* Тайна и социальное: от антропологии конфиденциальности к социологии секретности // Социология власти. 2019. Т. 31. № 4. С. 112–138.
2. *Данилов, В.Н. и др.* Как перестать беспокоиться и полюбить реферируемые журналы. Дискуссия о наукометрии // Versus. 2022. Т. 2. № 2. С. 70–86.
3. *Коллинз, Р., Рестиво, С.* Пираты и политики в математике / Пер. с англ. И. Куна // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 366–380.
4. *Кралечкин, Д.Ю.* Переполнение стека // Синтез современности: руины ГАХН и постдисциплинарность / Под ред Н. Сазонова и А. Хенниг. М.: Издательство института Гайдара, 2021. С. 79–98.
5. *Луман, Н.* «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 100–117.
6. *Медушевский, А.Н.* Право и нравственность: этические кодексы как инструмент публично-правовой политики России // Сравнительное конституционное обозрение [в печати]
7. *Соколов, М.М., Титаев, К.Д.* Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
8. *Титаев, К.Д.* Несколько коротких реплик в дополнение к ответу М. Соколова // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 232–236.
9. *Шанин, Т.* Размышления о социологии знания // Пути России. 2024. Т. 2. № 3. С. 159–178.
10. *Шацкий, Е.* История социологической мысли. Том 1 / Пер. польск. Е. Барзовой, А. Васильева, Н. Вертячих, Г. Мурадян, А. Уразбековой, В. Федоровой, О. Чеховой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
11. *Хабермас, Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачина. СПб: Наука, 2001.
12. *Эгнер, Х., Уленвинкель, А.* Нападение на свободу науки // Логос. 2024. Т. 34. № 2. С. 81–98.
13. *Gataulina, I.* Neoliberal Authoritarianism: An Ethnography of Russian Universities. London: Palgrave Macmillian, 2025.
14. *Simmel, G.* The Sociology of Secrecy and of the Secret Societies // American Journal of Sociology. 1906. Vol. 11. No. 4. P. 441–498.

Anna Ganzha, Maksim Zhiganov

University glossary of local universality: stalactites, stalagmites, stalagnates of social knowledge production

Anna Ganzha — PhD in Philosophy, Associate Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. **Address:** 20 Myasnitskaya St., Moscow. **Email:** ann.ganzha@gmail.com.

Maksim Zhiganov — PhD student, Doctoral School of Cultural Studies, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. **Address:** 20 Myasnitskaya St., Moscow. **Email:** zhiganov.maksim.977@gmail.com.

Abstract: This article is structured as a small glossary of observational essays on Russian university and academic life, summarizing the experiences of its participants over the past several years. It examines this life from the perspective of the dynamics of social knowledge, its content, form, organization, structure, as well as the maintenance of its stability and continuity. Emphasis is placed on the dual modes of social knowledge production under conditions of epistemic inequality and an undeclared decline in transparency in the governance of science and education. This doubling of the modes of social knowledge production has its own prehistory, an important stage of which were the revolutions of chats, spaces, and platforms, and its own consequences. Using a phenomenological-sociological description, the article sequentially examines these consequences and traces, focusing on such constellations as "evoking the imaginary", "unsolicited expertise", aphasia, a reliance on "studies", "trophy piracy", and the fetishism of the research stance.

Keywords: social knowledge, university, study, aphasia, ideologies, infrastructures, suspicion, publicity, fetishism, indigenous science, research enthusiasm

For citation: Ganzha, A., Zhiganov, M. (2026) University glossary of local universality: stalactites, stalagmites, stalagnates of social knowledge production. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 2. 141–166.

References

1. Boyko, A. K. (2019). The Mystery and the Social: From an Anthropology of Confidence to a Sociology of Secrecy. *Sociology of Power*, No. 31(4). P. 112–138. (In Russ.)
2. Collins, R., Restivo S. (2002). Robber Barons and Politicians in Mathematics. Transl. by I. Kun. *Otechestvennye zapiski*, No. 7. P. 366–380. (In Russ.)
3. Danilov, V. N. et al. (2022). How to Stop Worrying and Start Loving Refereed Journals: Bibliometric Debates. *Versus*, No. 2(2). P. 70–86. (In Russ.)
4. Egner, H., Uhlenwinkel, A. (2024). An Attack on the Freedom of Science. *Logos*. Vol. 34. No. 2. P. 81–98. (In Russ.)
5. Gataulina, I. (2025). *Neoliberal Authoritarianism: An Ethnography of Russian Universities*. London: Palgrave Macmillian.

6. Habermas, J. (2001). *Moral Consciousness and Communicative Action*. Transl. by S.V. Shachin. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)
7. Kralechkin, D. Yu. (2021). Perepolnenie steka [Stack Overflow]. In: *Sintez sovremennosti: ruiny GAHN i postdisciplinarnost'* [Synthesis of Modernity: The Ruins of GAKhN and Postdisciplinarity]. N. Sazonov, A. Hennig (eds.). Moscow: Gaydar Institute Press. P. 79–98. (In Russ.)
8. Luhmann, N. (2007). "Chto proiskhodit?" i "chto za etim kroetsya?". Dve sotsiologii i teoriya obschestva ["What is the Case?" and "What Lies behind It?". The Two Sociologies and the Theory of Society]. Transl. by A.F. Filippov. *Sociologicheskoe obozrenie*, No. 6(3). P. 100–117. (In Russ.)
9. Medushevskiy, A.N. (in print). Pravo i nravstvennost': eticheskie kodeksy kak instrument publichno-pravovoy politiki Rossii [Law and Morality: Ethical Codes as an Instrument of Public Legal Policy in Russia]. Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. (In Russ.)
10. Shanin, T. (2024). Razmyshleniya o sociologii znaniya [Reflections on the Sociology of Knowledge]. *Russia's Directions*. Vol. 2. No. 3. P. 159–178. (In Russ.)
11. Simmel, G. (1906). The Sociology of Secrecy and of the Secret Societies. *American Journal of Sociology*. Vol. 11. No. 4. P. 441–498.
12. Sokolov, M.M., Titaev K.D. (2013). Provincial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and Indigenous Science]. *Antropologicheskiy forum*, No. 19. P. 239–275.
13. Szacki, J. H. (2018). *History of Sociological Thought. Volume 1*. Transl. by E. Barzova, A. Vasil'ev, N. Vertyachikh, G. Muradyan, A. Urazbekova, V. Fedorova, O. Chekhova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
14. Titaev, K.D. (2013). Neskol'ko korotkikh replik v dopolnenie k otvetu M. Sokolova [A Few Short Comments in Addition to M. Sokolov's answer]. *Antropologicheskiy forum*. No. 19. P. 232–236.